

Участники совещания обратились к Институту искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР с просьбой разработать конкретные мероприятия по улучшению и оживлению собирательской и издательской работы на местах, что особенно необходимо в связи с подготовкой к 40-летию Великого Октября, а также по привлечению к собиранию фольклора новых кадров. Поощрение местных собирателей-любителей имеет очень большое значение. Систематическое печатание образцов фольклора, записанных ими,— наилучший способ поощрения. Хотя институт за последние годы и издал несколько сборников, в которых опубликовано немало образцов фольклора, записанных местными собирателями, хотя фольклорные сборники изданы и в отдельных областных центрах, однако это не может удовлетворить потребности в публикации местного фольклора. Большое значение имеет то, что с января 1957 г. начал выходить специальный научно-популярный журнал «Народна творчість та етнографія», на страницах которого будут печататься научные и научно-популярные статьи, а также лучшие образцы народного поэтического творчества. Участники совещания высказались за то, чтобы на страницах литературных и искусствоведческих журналов, центральных и областных газет чаще печатать образцы народного поэтического творчества, а также организовывать передачи по радио. Все это способствовало бы оживлению работы по собиранию образцов устно-поэтического творчества украинского народа дореволюционного и советского времени.

Участники совещания отметили, что сама жизнь поправила тех, кто нигилистически относился к развитию поэтического творчества в наше время. Однако необходимо продолжать решительно разоблачать вредность «теорий» об отмирании фольклора.

Наш народ с большой и сердечной благодарностью и глубоким уважением отмечает важную работу огромной армии скромных и бескорыстных тружеников, собирателей фольклора, которые одновременно со своей неутомимой работой у станка, на колхозных полях, в школе или университете занимаются собиранием и записыванием драгоценных сокровищ мудрого творчества народа.

Участники республиканского совещания призвали собирателей фольклора еще больше развернуть свою работу по собиранию современного фольклора в ознаменованье 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Ф. И. Лавров

РАБОТА ПРИБАЛТИЙСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1956 ГОДУ¹

Этнографические, археологические и антропологические отряды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции в 1956 г. продолжали свои исследования по общему плану работ экспедиции. В результате удалось собрать ценный материал, который, несомненно, будет способствовать выполнению основной задачи экспедиции — изучению этнической истории народов Прибалтики.

В Эстонской ССР в 1956 г. продолжались раскопки городищ и поселений.

Раскопки поздненеолитического поселения Тамула производились Л. Ю. Янитсом. Поселение расположено на берегу озера Тамула в юго-восточной Эстонии. Культурный слой был вскрыт на площади в 300 кв. м. Он залегал в торфе, образовавшемся, по данным пылецевого анализа, в суббореальный период. В наиболее близких к озеру частях поселения обнаружено много свай и поваленных жердей, которые, возможно, являются остатками деревянных каркасов жилищ.

В верхнем горизонте культурного слоя найдены поздняя ямочно-гребенчатая и шнуровая керамика, многочисленные костяные изделия, предметы из янтаря. Каменные долота и предметы из кремня имеют небольшие размеры.

Кроме ранее обнаруженных семи погребений, вскрыто еще 14 костяков, из них 10 взрослых и 4 детских. Костяки лежали в нижнем горизонте культурного слоя или непосредственно под ним. За исключением нескольких захоронений, где костяки находились в скорченном положении, костяки лежали на спине в вытянутом положении. Некоторые костяки имели подстилку из сучьев. Около костяков найдено много поделок из костей и зубов животных, а также костяные и янтарные фигурки.

Городище Иру, расположенное в 10 км восточнее Таллина, в течение нескольких лет исследуется А. К. Вассар. В 1956 г. раскопки производились в северной части городища, где культурный слой разделяется на два горизонта: нижний, относящийся к середине и второй половине I тысячелетия до н. э., и верхний, датируемый VI—X вв. нашей эры.

В нижнем горизонте культурного слоя было обнаружено основание немного углубленного в землю жилища. Возможно, что крыша этого жилища поддерживалась столбами. В жилище обнаружен большой очаг, сложенный из плитняка; вокруг очага найдены кости животных.

В верхнем горизонте культурного слоя вскрыты основания двух небольших жилых построек, которые, по всей вероятности, были покрыты одной крышей. Каждое из

¹ Статья написана на основе материалов предварительных отчетов начальников отрядов экспедиции.

этих жилищ, видимо, принадлежало отдельной семье. Вне жилищ имелись два очага, датируемые IX—X вв. Около них были найдены обгорелые зерна ячменя, гороха, пшеницы, ржи и бобов. Изучался также вал, сооруженный из плитняка по западному краю городищенской площадки.

Продолжались раскопки поселения, расположенного у западного подножия городища. В 1956 г. здесь было вскрыто 40 кв. м культурного слоя, мощность которого достигала 1,6 м. Открыты остатки жилой постройки с очагом. Находки из этого слоя датируются второй половиной I тысячелетия нашей эры.

Изучался могильник, расположенный вблизи городища. Погребальное сооружение представляло собою большой круг, выложенный крупными плитняковыми камнями. В этом круге хоронили умерших в сожженном и несожженном виде. Судя по находкам кольца, пряжки и керамики могильник датируется I—VI вв. н. э., что доказывает заселенность окрестностей Иру в первой половине I тысячелетия н. э., когда городище было покинуто.

Х. А. Моора производил раскопки городищ Тоолсе и Уссимяги, находящихся на севере Эстонии. Возникновение городища Тоолсе относится к началу нашей эры. В XIII в. оно представляло собою эстонскую крепость. Городище Уссимяги, расположенное в одном километре расстояния южнее городища Тоолсе, возникло во второй половине I тысячелетия н. э. Раскопки на этих городищах будут продолжаться.

М. Х. Шмидехельм в 1955 г. закончила раскопки городища Рыуге в юго-восточной Эстонии. Это поселение, датируемое VI—IX вв. н. э., являлось поселком ремесленников. Материалы, полученные при раскопках городища, говорят о связях древнеэстонского населения городища с псковскими кривичами.

В 1956 г. М. Х. Шмидехельм производила раскопки селища, расположенного за восточным валом городища Рыуге. Селище занимает площадь около 0,75 га. В 1956 г. было изучено 366 кв. м культурного слоя, мощность которого составляла от 18 до 50 см. Были вскрыты остатки глинобитного пола и несколько очагов, расположенных близко один от другого. Очаги, вероятно, имели производственное назначение. Выделяется один большой очаг с мощным углистым слоем и большим количеством шлаков. Керамика, обнаруженная на селище, является идентичной с керамикой, найденной на городище.

Бытовой и хозяйственный инвентарь селища беднее городищенского, но и здесь имеются интересные находки: ножи, пряслица, фрагменты тиглей и литейных формочек, рыболовные крючки, железные наконечники стрел, треугольные подвески, глиняные бусы, фрагмент арабского диргема. Раскопки будут продолжаться в 1957 году.

Изучение городища Отепя («Медвежья голова» русских летописей), производимое О. В. Саадре, представляет интерес для изучения истории не только Эстонии, но и соседних русских земель: Великого Новгорода и древнего Пскова.

Городище Отепя возникло еще в I тысячелетии до н. э. и существовало непрерывно вплоть до феодального времени. В 1956 г. продолжались раскопки епископского замка на городище, построенного на фундаменте каменного эстонского укрепления XII—начала XIII вв. Во вскрытых остатках помещений северо-восточной части замка найдены ядра, части лат, различные строительные детали, монеты XIV—XV вв. Выяснилось, что замок Отепя погиб в конце XV в. в результате пожара. Одновременно изучался земляной вал эстонского укрепления.

В нижних горизонтах культурного слоя городища найдены керамика и бронзовые украшения VI—VII вв. На восточном склоне городища встречалась сетчатая керамика.

На расстоянии 100 м к востоку от городища, на небольшой возвышенности были вскрыты погребения XIV в. На площади в 24 кв. м было обнаружено 44 костяка, сохранившихся частично или полностью. Плотность вскрытых погребений указывает на эпидемию или иное бедствие. По письменным источникам известно, что в Эстонии в начале XIV в. был большой голод, а в середине XIV в. свирепствовала чума.

В Латвийской ССР 1956 год ознаменовался открытием неолитического могильника и стоянки. На территории плодопитомника «Крейчи», находящегося в 5 км от г. Лудза, обнаружен первый в Латвийской ССР неолитический могильник. При его раскопках, произведенных Л. В. Ванкиной и Ф. А. Загорским, было обнаружено шесть погребений, из которых два — в согнутом положении. Найдены шейные украшения из кабаньих клыков и янтарные подвески.

На берегу Лудзенского озера, на полуострове Будянка открыта неолитическая стоянка. В раскопе в 100 кв. м найдены кремневые наконечники стрел, нуклеусы, скребки, кремневые отщепы, рыболовные крючки, шиферные желобчатые долота, типичная ямочно-гребенчатая керамика.

Группа сотрудников Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР, под руководством Э. Д. Шноре, производила раскопки могильника у селения Кивти Лудзенского района. Могильник расположен на берегу озера Цирма, на месте древнего поселения с культурой сетчатой керамики. Могильник исследовался и прежде. В 1956 г. здесь было вскрыто 28 погребений. Прослежено, что мужские погребения ориентированы головой на северо-восток или юго-восток, женские погребения — на запад или северо-запад. Инвентарь погребений типично латгальский. Могильник датируется VII—XI вв., но преобладающее число погребений относится к VIII веку.

Под руководством Э. Д. Шноре начаты раскопки на форбурге городища «Кишу калнс» у села Шелупинки Лудзенского района. Вскрыто 775 кв. м культурного слоя. Обнаружены очаги в ямах и одна глиняная печь на каменной основе. Найдены остат-

ки бронзолитейной мастерской, большое количество глиняных пряслиц, керамика с шероховатой поверхностью, со сплошными ногтевыми вдавлениями, гладкостенная лепная, а также круговая керамика раннефеодалного времени.

В Литовской ССР большие раскопки производились в г. Вильнюсе. Работы велись в двух местах: на правом берегу р. Вильняле, при впадении ее в Неман, и у северного подножия Замковой горы Гедимины.

При раскопках на берегу Вильняле вскрыты остатки сгоревшего жилого дома. размером 5×5 м. Дом имел деревянный пол. В западном его углу сохранились остатки глинобитной печи, размером $1,5 \times 1,8$ м. У южной стенки жилища имелся погреб размером $1,1 \times 0,95$ м, стенки которого были выложены тонкими досками.

С южной же стороны к дому примыкал хлев. В доме найдены кости животных, круговая керамика, орнаментированная волнистыми линиями, а также ножи, шилья, ложки, ножницы, наконечник копья, замки, ключи, перстни, пряжка, шпоры, серп и другие вещи. Кроме того, найдена железная крица весом в 2,2 кг и хлебные зерна. Последские датируются XII—XV веками.

Продолжались раскопки у подножия горы Гедимины, где была вскрыта часть храма XIV—XV вв. Найдены детали украшений храма, фасонные кирпичи, изразцы, керамика, кости животных, каменные ядра и прочее.

В г. Тракай раскопки проводились в связи с реставрацией и реконструкцией средневекового замка на острове. На участке между княжескими жилыми помещениями и окружавшей их западной стеной был обнаружен монетный клад XV в., состоящий из 17 монет времен Витовта. Эти монеты встречаются довольно редко, поэтому их находка имеет большое значение для изучения монетного дела в Литве. На другом участке раскопок удалось уточнить расположение части помещений у западной стены, которые на планах изображались неправильно. На третьем участке раскопок изучалась северная стена, окружавшая жилые княжеские помещения.

Раскопки в Вильнюсе и Тракае проводились под руководством П. З. Куликаускаса и А. З. Таутавичуса.

В 1956 г. изучались древние поселения и городища в районе строительства Каунасской ГЭС; в местности Пилоона-Гуогай изучались остатки городища со штрихованной и с шероховатой керамикой и остатки селища у подножия городища, также со штрихованной и с шероховатой керамикой. Здесь же найдена керамика XIV—XV веков.

Подобные же городища и селище около него, содержащие в культурных слоях керамику штрихованную и с шероховатой поверхностью, изучались в местности Бачкинникелай. На площадке раскопа на городище в 105 кв. м культурный слой, состоящий из черной земли, имел мощность 1,2—1,3 м. Обнаружены каменные кладки, сложенные из камней очаги, ямы от столбов, остатки построек. На селище были заложены два раскопа, общей площадью в 265 кв. м. Обнаружен один очаг полуовальной формы, пять хозяйственных ям и печь для плавки железа. Хозяйственные ямы имеют 80—90 см глубины и 0,75—1,2 м в диаметре. В одной из ям было найдено много фрагментов керамики; другие ямы были заполнены темной землей.

В местности Жегждрай раскапывалось миниатюрное городище, расположенное на крутом обрыве правого берега Немана. Площадка городища имеет в диаметра 10—12 м. Культурный слой городища местами достигает более одного метра. Обнаружены каменные кладки, остатки обгорелых бревен, вероятно, от укреплений городища. Найдена штрихованная керамика и керамика с шероховатой поверхностью. Городище датируется первой половиной I тысячелетия нашей эры.

В местности Лауменай обследовались неолитические стоянки; собран кремневый инвентарь и керамика. В местности Мозурай изучался могильник XVII—XVIII вв. с остатками языческого обряда погребения.

В северо-западной Литве, в местности Жагаре, производились раскопки городища, известного под названием Горы Жвелчайтиса. Городище расположено на берегу небольшой речки и имеет значительный культурный слой, нижний горизонт которого датируется XII—XIII вв., а верхний — XVII—XVIII вв. В нижнем горизонте слоя вскрыты каменные кладки, обгорелые бревна и найдены вещи XII—XIII вв. Городище имеет сходные черты с городищем Тервете, расположенным на территории Латвийской ССР.

В западной же Литве, в местности Лайвяй, раскапывался могильник V—XIII вв. С V по X в. умершие погребались в этом могильнике по обряду трупоположения. С VII по XIII в. существовал обряд трупосожжения. Поблизости от могильника были обнаружены две очень интересные печи овальной формы, сложенные из камней и глины. Подобные печи на территории Литовской ССР обнаружены впервые. Их связь с могильником установить не удалось.

В местности Сиряйчай, в западной части Литовской ССР, производились раскопки на месте найденного в конце XIX в. клада бронзовых подковообразных фибул X—XI вв. Это место находится вблизи городища, известного под названием Горы Джюаса. Раскопки установили, что на месте обнаружения клада был могильник типа Лайвий, впоследствии разрушенный вспашкой. Было вскрыто одиннадцать погребений, в которых обнаружены предметы X—XIII веков.

В раскопках 1956 г., кроме сотрудников Института истории Академии наук Литовской ССР (П. З. Куликаускас, А. З. Таутавичус, О. В. Навицкайте, Е. А. Бутене), принимали участие сотрудники кафедры археологии и этнографии Вильнюсского государственного университета (Р. К. Куликаускиене и Д. В. Петраускайте), Историко-

этнографического музея АН ЛитССР в г. Вильнюсе (А. К. Якиявичене и А. Ю. Берногайте), Вильнюсского краеведческого музея (Б. Ю. Таутавичене), Тракайского краеведческого музея (Н. Ковригина и Р. Б. Легайте), Шяуляйского краеведческого музея (Ю. Науджас и Л. М. Накайте), Тельшайского краеведческого музея (Валадка), Каунасского художественного музея им. М. К. Чюрлиониса (Р. К. Яблонските).

В Белорусской ССР разведочные работы в междуречье Немана и его левого притока Молчади производились Ф. Д. Гуревич. В 25 пунктах осмотрены поселения и курганные группы. Наиболее насыщены памятниками окрестности г. Новогрудка Гродненской области БССР. На некоторых обследуемых памятниках производились небольшие раскопки. Так, например, на поселении, расположенном между деревнями Городиловка и Селец (в трех километрах расстояния от Новогрудка), были обнаружены остатки жилищ и хозяйственных ям, лепная и раннегончарная керамика, железные шлаки, бытовой инвентарь из железа, поделки из бронзы, обломки стеклянных браслетов и прочее.

Вблизи селища раскопаны три кургана. Два из них содержали индивидуальные захоронения по обряду трупосожжения, в третьем кургане найден костяк. В первых двух курганах обнаружены обломки сосудов, железные подкововидные пряжки, височное кольцо, шиферное пряслице и бусы. Селище, как и курганы вблизи него, относятся к славянским памятникам и датируются X—XI веками.

В окрестностях Новогрудка было раскопано еще 10 курганов, преимущественно с захоронениями по обряду трупосожжения, которые также датируются X—XI вв. К этому же времени относятся и два близлежащие селища. Третье селище у д. Селец принадлежит более позднему времени.

Значительный интерес представляют памятники в самом Новогрудке. Это прежде всего Замковая гора с системой мощных оборонительных сооружений. Культурный слой около стен датируется XIII—XV вв. На глубине 3,3 м от дневной поверхности вскрыты остатки деревянных сооружений, относящихся, по-видимому, к русскому городу XI—XIII вв. На городище, примыкающем к Замковой горе, найдена керамика XI—XIII веков.

Разведочные и раскопочные работы на обследованной территории показывают весьма плотную ее населенность славянами в X—XI вв. Особенно густо население сосредоточивалось вокруг Новогрудка, который, вероятно, возник как русский город, а в XIII в. превратился в столицу литовского князя Миндовга.

В Молодечненской области БССР разведки и раскопки памятников производил Л. В. Алексеев. Обследовались городища и курганы с целью установления западной границы Полоцкой земли. Часть обследованных городищ относится к группе памятников культуры штрихованной керамики. Другие городища являются поселениями конца I и начала II тысячелетий н. э.

На городищах Браслав и Друцк производились раскопки, что явилось продолжением работы прошлых лет.

На городище Браслав в нижнем культурном слое, залегавшем под слоем пожара, были впервые открыты жилища полуземляночного типа с обмазанными глиной стенами. Между жилищами обнаружены остатки сильно разрушенного железодельного горна. Найдена лепная и круговая керамика. Нижний горизонт культурного слоя датируется X в. Верхний горизонт культурного слоя дал находки XI в.: височные кольца, браслеты, бусы, перстни, пряслища.

Раскопки на городище Друцк начаты в 1956 г. и носят разведывательный характер. Культурный слой городища оказался очень мощным и богат насыщенным находками. Найдены стеклянные браслеты, перстни, бусы, ножи, шилья, трубчатые замки, шиферные пряслища. Обнаружены остатки нижних венцов срубов жилищ с печами-каменками и без печей; в этих жилищах было найдено большое количество зерен. Работы на городище будут продолжаться в 1957 году.

Неолитический отряд Прибалтийской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, возглавляемый Н. Н. Гуриной, проводил работу в двух направлениях: 1) было продолжено археологическое исследование Псковской, Великолукской и Калининской областей, начатое еще в 1955 г., и 2) произведены раскопки неолитического поселения (Усть-Рыбежно) и стоянки эпохи бронзы (Усть-Рыбежно II) в пределах Ленинградской области.

Разведка памятников производилась по течению р. Великой от г. Острова до г. Опочки, в районе Себежских озер, Жижицкого озера, озер Селигер (частично), Валдай и Пирос (частично). В процессе разведки было обнаружено значительное количество неолитических и славянских памятников.

Выяснилось, что р. Великая и Себежские озера бедны неолитическими памятниками, тогда как восточные районы изобилуют ими. Неолитические поселения, расположенные по берегам озер Пирос, Селигер и Валдай, дают представление о характере материальной культуры населения этого района в неолитическую эпоху. Специфические черты этих памятников позволяют выделить их в особую валдайскую культуру.

Раскопки неолитического поселения Усть-Рыбежно на р. Паше производились и в предыдущие годы. В 1956 г. было полностью закончено исследование этого поселения, являющегося единственным памятником Севера с отчетливо выраженной стратиграфией.

Раскопки поселения эпохи бронзы Усть-Рыбежно II также дали ценный материал по этому малознученному периоду древнейшей истории Севера.

Разведки, произведенные по западному побережью Онежского озера, обнаружили целый ряд новых неолитических памятников.

Этнографические полевые исследования 1956 г. явились непосредственным продолжением начатых ранее работ². Как и в предыдущие годы, в течение полевого сезона работали три этнографических отряда: эстонский, латвийский и литовский. В их составе находились сотрудники Института этнографии АН СССР и республиканских научных учреждений.

Эстонский этнографический отряд (начальник отряда Н. В. Шлыгина) работал на территории Эстонской ССР и Карельской АССР. В Эстонии основное внимание было уделено обследованию поселений, в прошлом шведских, расположенных на северо-запад от г. Таллина (на о-ве Вормси и на материке в Кейласком и Хаапсалуском районах). Изучение поселений показало, что шведские поселения по своей планировке не имели каких-либо существенных отличий от эстонских. Для них также типичен кучевой план, причем в некоторых поселениях дворы расположены компактно, в других — разбросанно. Многие шведские поселения, подобно эстонским, состояли из центральной части, где располагались дворы крестьян-собственников, и примыкающих к центральной части концов, заселенных бобылями.

При изучении поселений отрядом собраны ценные данные об обычаях наследования и раздела имущества, что нашло свое отражение в порядке расположения дворов в поселениях. По этой теме в составе отряда работала Г. Х. Троска. Жилые постройки в них оказались очень неоднородными; во многих преобладают постройки позднейшего времени, близкие к городскому типу. В поселениях, обследованных на о-ве Вормси, не удалось зафиксировать ни одной старинной постройки. На материке в Кейласком и Хаапсалуском районах их сохранилось еще довольно много. Из расспросов населения удалось установить, что для о-ва Вормси в прошлом характерен дом с открытым очагом и роовом³ в сенях. Риги в качестве жилых построек на о-ве Вормси, по-видимому, не использовались; они служили лишь для сушки снопов перед обмолотом.

На материке в пределах указанных районов зафиксированы своеобразные жилые постройки, представляющие собою как бы соединение жилой риги и дома с роовом. Специфические черты, проявляющиеся в материальной культуре населения этих районов, в частности в жилище, указывают на взаимное культурное влияние эстонцев и шведов, тесно общавшихся в быту.

Помимо обследования старых поселений и традиционных типов жилища, отрядом производился сбор материалов по строительству жилых домов в колхозных селениях. С этой целью были совершены выезды в колхозы Йыхвиского, Кивиылского и некоторых других районов республики.

На протяжении всего маршрута проводились также исследования средств передвижения эстонцев (А. О. Вийрес). Некоторые из участников отряда работали стационарно, продолжая разрабатывать намеченные ранее темы. Так, аспирант А. А. Лутс собирал полевые материалы по морскому рыболовству, аспирант Э. К. Льюке — по пище эстонцев.

Полевые работы в Карельской АССР носили рекогносцировочный характер. Отряд, в работу которого на территории Карельской АССР включился один из этнографов Карелии (Р. Ф. Тароева), осуществил выборочное маршрутное обследование двух районов — Петровского (селения Юрк-остров, Юст-озеро, Мянду-сельга) и Медвежьегорского (селения Паданы, Сонталы, Совд-озеро). Членами отряда сняты схематические планы селений, собран материал по жилищу, сельскохозяйственным орудиям, средствам передвижения. Координация полевых работ эстонских и карельских этнографов имела большое положительное значение. Уже первое рекогносцировочное этнографическое обследование показало, насколько важно провести сбор сравнительного материала по Карелии при изучении этнической истории эстонцев и карел. Совместные работы эстонских и карельских этнографов решено продолжить.

Латвийский этнографический отряд (начальник отряда Л. Н. Терентьева) продолжал в 1956 г. полевые исследования в восточной и юго-восточной Латвии (Латгале и Аугшземе), а также в западной Латвии (Курземе). В Латгале сплошным обследованием были охвачены три района: Абренский, Карсавский и Краславский⁴. Кроме того, были выборочно обследованы Лудзенский, Дагдский и Даугавпилсский районы, где ранее проводились более детальные полевые обследования. В Аугшземе был маршрутно обследован Илукстский район, в Екабпилском районе были продолжены стационарные работы, ведущиеся уже ряд лет. В Курземе полевые работы проводились в Тукумском и Талсинском районах. При маршрутном обследовании районов члены отряда собирали материал по следующим темам: поселение и жилище (А. А. Заварина, М. Н. Морозова и Л. Н. Терентьева), сельскохозяйственные орудия (И. А. Лейнасаре), одежда (М. К. Слава), семья и семейный быт (А. А. За-

² См. статьи о работе Прибалтийской экспедиции в журнале «Сов. этнография» за 1953—1956 гг.

³ Роов (гоов) представлял собою каменную замкнутую камеру с отвесными стенами и сводчатым потолком; средний размер в основании — 6 кв м. В центре или в одном из углов роова находился открытый очаг.

⁴ В статье названы районы, существовавшие в республике летом 1956 г. Осенью того же года произошло частичное укрупнение районов.

варина, Л. Н. Терентьева). Как и в предыдущие годы, работы проводились в селениях с чисто латышским, со смешанным в национальном отношении и с русским населением. В районах, пограничных с БССР и Литовской ССР, обследовались также селения с белорусским и литовским населением. Кроме того, для получения сравнительного материала были совершены краткосрочные выезды в смежные районы БССР и Литовской ССР.

Подводя итоги работ отряда за ряд лет в Латгалии и Аугшземе, можно сказать, что маршрутное обследование этой территории близко к завершению, особенно по жилищу и сельскохозяйственным орудиям. Собранные материалы, с учетом уже имеющих в музеях и научных архивах республики материалов, дают возможность с известной полнотой охарактеризовать материальную культуру населения Латгалии и Аугшземе.

На основании этнографических материалов можно сделать заключение, что современное латышское население Латгалии по своей культуре неоднородно⁵. В пределах Латгалии явно обнаруживаются две подобласти — северная и южная, граница между которыми проходит примерно по центру Вараклянского района. В материальной культуре северной Латгалии, при наличии общих черт с культурой всей восточной Латвии, обнаруживаются многие специфические черты, сближающие население этих районов с латышским населением соседних, расположенных к западу от Латгалии районов Видземе (Латвия), а также юго-восточных районов Эстонии и северо-западных районов РСФСР (Псковской и Великолукской областей). В материальной культуре населения южной Латгалии выявляется много общих черт с культурой населения соседней территории Аугшземе (в прошлом территории расселения селов — одного из балтийских племен, родственного племенам латгалов), а также восточной Литвы (Аукштайт-тия) и северо-западных областей БССР. В культуре современного населения Аугшземе, всесторонне обследованного отрядом экспедиции за последние годы, также замечаются существенные различия, позволяющие выделить восточную часть этой территории (Илукстский район и восточная часть Екабпилсского района), где обнаруживаются общие черты культуры с Латгалией и восточной Литвой, и остальную часть (включая Яунелгавский и Балдонский районы), где имеется много общего с культурой соседней территории Земгале и западной Литвы (Жемайт-тия) и значительно меньше проявляется влияние славянского мира⁶.

Значительный интерес представляют материалы по семейному быту и духовной культуре населения. Записи от местного населения и наблюдения этнографов свидетельствуют о процессах, происходящих в быту латышского и русского крестьянства Латвии в условиях советской действительности: идет коренная ломка обычаев и обрядов, возрастает степень бытового общения различных групп населения, ранее (при буржуазном строе или при царизме) в большей или меньшей степени державшихся изолированно в силу их разной национальной или религиозной принадлежности (например латыши и русские старообрядцы). Это проявляется во все более частых случаях заключения смешанных браков. Все это оказывает заметное влияние на сложение новых черт культуры у сельского населения Латвии⁷.

Характеризуя работы латвийского отряда экспедиции, мы хотели бы указать на участие в полевых работах сотрудников музеев. Как и в предыдущие годы, большую часть маршрута проделала с отрядом сотрудник Музея истории Латвийской ССР Г. Иванова. На территории Екабпилсского района в работах отряда принимал участие директор районного краеведческого музея А. А. Штокманис. Впервые в истекшем полевом сезоне в работах отряда участвовала одна из сотрудниц Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде Т. Ф. Денисова. Сотрудники латвийских музеев производили сбор вещевых материалов для пополнения коллекций музеев. Благодаря имевшейся у отряда грузовой машине музеям в этом была оказана существенная помощь.

Значительные работы проведены литовским отрядом экспедиции (начальник отряда В. К. Милюс), обследовавшим ряд районов, различных в этническом отношении, а именно: поселения, расположенные на Куршской косе и в дельте Немана (Шилутский район); один из районов западной Литвы — Жемайт-тия (Таурагский район), четыре района в юго-восточной Литве — Дзук-тия (Алитусский, Варенский, Даугайский и Эйшишский). Кроме того, выборочно были обследованы некоторые деревни в соседних с Литвой Радуньском и Гродненском районах Гродненской области БССР. По своему составу литовский отряд был наиболее многочисленным. В работах отряда участвовало восемь этнографов — сотрудники Института истории и Этнографического музея Академии наук Литовской ССР (В. К. Милюс, И. П. Буткявичус, А. И. Вишняускайте, С. Ю. Бернотене, В. С. Жиленас, М. М. Глемжайте, Ю. И. Петрулис, М. Янкаускайте). В районах юго-восточной Литвы и в БССР в составе отряда работали два этнографа, прикомандированные к Институту этнографии Академии наук

⁵ Употребляя понятие «современное население», мы имеем в виду период примерно с середины XVIII в., доступный этнографическому обзору.

⁶ Подтверждение сказанному можно найти в материалах, собранных И. Лейнасаре в экспедиции.

⁷ Аналогичные процессы происходят, по-видимому, и в среде городского населения. Однако этими вопросами никто из этнографов, к сожалению, пока не занимается.

СССР (Н. И. Лебедева и М. Н. Морозова), а также студентки Московского государственного университета (З. А. Аверина и Д. Павелионите). Некоторое время в работах отряда участвовала П. В. Дундулене, преподаватель Вильнюсского государственного университета. Отрядом проводились полевые исследования по следующим темам: жилые и хозяйственные постройки, рыболовство, домашние промыслы и ремесла, средства передвижения, одежда и ткачество, народное декоративное искусство, семейные обычаи и обряды, календарные праздники.

На Куршской косе отряд обследовал рыбацкие поселки (Нида, Прегола, Первалка). В Шилутском районе — несколько рыбацких деревень, расположенных в дельте Немана. В поселках Куршской косы была проведена посемейная перепись с применением специальных анкет, что позволило определить этнический состав населения, знание языков, численный и родственный состав семей, образование и т. п. Выяснилось, что на Куршской косе в числе жителей проживает 53 семьи коренного населения (куршей). В качестве главного критерия при определении их этнической принадлежности был взят язык: в этих семьях параллельно с литовским употребляется и куршский диалект латышского языка. После Великой Отечественной войны на Куршской косе значительно увеличилось число литовцев, приехавших из Дзукии, Жемайтии и Занеманья (Сувалкия). В быту населения, в частности в убранстве жилища, отмечаются многие специфические черты, по которым, кроме диалекта языка, нетрудно определить, откуда приехали те или другие семьи.

В отличие от соседних районов Жемайтии, где с давних времен утвердилась хуторская форма расселения, на Куршской косе и в дельте Немана рыбацкое население живет деревнями. Деревни имеют рядовую и уличную планировку; некоторые из них (Минге, Пакальне, Шиша Шилутского района) вытянуты по обоим берегам реки, и население сообщается при помощи лодок. Обследование жилых построек, проведенное отрядом также с применением типовых анкет, дало возможность выяснить, каков был в прошлом тип жилых домов. Подавляющее большинство жилых строений, имеющих в настоящее время на Куршской косе, давно утратило прежнюю традиционную планировку и было перестроено с учетом запросов дачников. Основываясь на данных опроса старожилов из коренного населения и на некоторых полевых материалах, литовские этнографы пришли к заключению, что жилые постройки в этих районах в прошлом были в общем аналогичны по типу постройкам, распространенным в Жемайтии.

Интересные материалы собраны отрядом об исторически сложившихся хозяйственных, культурных и семейных взаимоотношениях рыбацкого населения Куршской косы с земледельческим населением соседних районов. Занимаясь рыболовством, жители Куршской косы приглашали для строительства жилых домов плотников с материка, в частности из окрестностей Кинтая (Шилутский район), арендовали у населения Шилутского района сенокосы, покупали там сельскохозяйственные продукты, домотканную материю для одежды и т. п. Анализ материалов посемейной переписи указывает и на наличие родственных семейных связей: оказалось, что многие рыбаки приводили жен с материка, реже — брали в дом зятьев.

Выборочное маршрутное обследование, проведенное в четырех районах юго-восточной Литвы (Дзукия), дало много ценных материалов. Этнографические исследования в этой части Литовской ССР ранее почти не проводились. Работы отряда в 1956 г. следует рассматривать как начало систематического изучения этой весьма интересной в этническом отношении территории. Уже на основании материалов, собранных в истекшем году, участники отряда убедились, что по основным элементам материальной культуры Дзукия и Аукштайтия должны быть отнесены к одной этнически родственной территории.

Особое внимание в указанных районах было уделено изучению одежды и ткачества. Кроме литовских этнографов, именно по этой теме проводили обследования этнографы, прикомандированные к отряду Институтом этнографии АН СССР. Собранные материалы указывают, что в дзукских районах Литвы особенно широко сохранилось домашнее производство льняных и шерстяных тканей. Женщины Дзукии отличаются большим мастерством в изготовлении узорных полотенец, скатертей, покрывал и т. п. Шерстяные ткани идут для изготовления одежды. Современные костюмы, мужские и женские, шьют из домотканых шерстяных материй, при изготовлении которых творчески используются старинные образцы. При сохранении домашнего прядения и ткачества наблюдается почти полное исчезновение старинного покроя и элементов одежды и замена их новыми⁸. Это, как правильно подмечает в своем отчете Н. И. Лебедева, совершенно противоположно истории русского костюма, который, стойко сохраняя старинный покроей и составные части комплекса, стал изготавливаться уже из покупного материала. Весь собранный материал, включая и записи воспоминаний представителей старого поколения, дает возможность охарактеризовать отдельные элементы одежды и проследить их смену на протяжении разных исторических эпох.

Особый интерес представляет тщательно проведенная Н. И. Лебедевой запись терминов, связанных с одеждой и ткачеством, обнаружившая сохранность древней терминологии.

⁸ Аналогичные явления зафиксированы отрядами экспедиции и во многих других районах Литовской и Латвийской ССР.

Выборочное этнографическое обследование, проведенное на территории Гродненской области БССР, показало большую общность в одежде и других элементах материальной культуры у литовцев Дзукии с белорусами.

В заключение краткого обзора этнографических исследований в республиках Прибалтики необходимо отметить еще работу белорусских этнографов, которые проводили полевые исследования в порядке координации своей работы с работами Прибалтийской экспедиции. Один из отрядов белорусских этнографов (М. Я. Гринблат, Л. А. Молчанова) уже ряд лет работает по изучению белорусов в плане этнической истории народа. В 1956 г. этим отрядом проделан большой маршрут по ряду районов северо-западных областей республики. Собранный материал представляет значительный интерес и для разрешения многих вопросов этнической истории народов Прибалтики (латышей, литовцев)⁹. Учитывая это, в 1958 г. намечено провести совместные полевые работы в смежных районах Латвийской, Литовской и Белорусской ССР.

В 1957 г. все три этнографических отряда экспедиции будут продолжать полевые исследования на территории Прибалтийских республик с захватом смежных районов РСФСР и БССР. Весьма положительным моментом является то, что в составе эстонского и латвийского отрядов в этом полевом сезоне будут работать лингвисты. Крайне желательно включение лингвистов и в литовский отряд экспедиции.

Антропологические исследования проводились в Прибалтике в 1957 г. Р. Я. Денисовой, изучающей антропологический состав современного населения восточных районов Латвийской ССР. Для получения сравнительного материала ею были обследованы несколько групп в смежных районах Литовской ССР, БССР и РСФСР.

В 1957 г. намечено приступить к систематическому антропологическому обследованию современного населения БССР, что в настоящее время имеет особенно важное значение в связи с проводимым сплошным антропологическим обследованием в Украинской ССР и по всей территории европейской части РСФСР.

С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева

⁹ На отчетно-экспедиционной сессии в Москве, в апреле 1957 г., был заслушан доклад М. Я. Гринבלата о работах белорусских этнографов, который будет опубликован в одном из ближайших выпусков «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР».